

ВОСПОМИНАНІЯ ДОБРОВОЛЬЦА.

(Окончаніе) ¹⁾.

Наступили холода и 22-го, 23-го и 24-го вода по утрамъ замерзала. Горы въ снѣгу.

Подробности боевъ съ турецкими аріергардами мнѣ въ точности неизвѣстны, но изъ сказаннаго можно заключить, что турки отступали въ двухъ направленіяхъ: на Виза—Сарай—Странджа и вдоль желѣзнодорожной линіи Одринъ — Царьградъ. Упорно сопротивлялся противникъ, повидимому, лишь нашему лѣвому флангу. Почему наша дивизія бездѣйствовала 19-го, 20-го и 21-го? Энергичное движеніе ея, совмѣстно съ 10-й дивизіей, повидимому не занятой преслѣдованіемъ противника, на г. Сарай 19-го и 20-го окт. заставило бы (даже въ худшемъ для насъ случаѣ) турокъ поспѣшно бросить позиціи у Виза—Сарай, если бы не привело къ полному плѣненію праваго турецкаго фланга. Для пре-

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 8.

слѣдованія вдоль желѣзнодорожной линіи достаточно было 1-й и кавалерійской дивизіи. Какъ на причину, задержавшую этотъ маневръ, указывали на отсутствіе огнестрѣльныхъ припасовъ и на слухи о наступленіи массы турецкихъ войскъ со стороны гор. Родосто. Эти причины, въ связи съ упорствомъ турокъ и нашими значительными потерями, заставили отказаться отъ полного окруженія праваго турецкаго фланга. Добровольно отказались пожать плоды побѣды? Забыли Суворовское правило—«идти на врага, съ чѣмъ Богъ послалъ», ссылаясь на отсутствіе снарядовъ. Между тѣмъ наша батарея, израсходовавшая снарядовъ болѣе, чѣмъ другія, все же имѣла еще около 200 шрапнелей и 3 ящика гранатъ; 4-я имѣла около 350 шрапнелей, а 6-я израсходовала едва половину взятыхъ съ собою снарядовъ. И это послѣ трехдневнаго боя! За эти три дня всѣмъ отдѣленіемъ израсходовано около 2.700 снарядовъ. Надо признать, что это болѣе, чѣмъ экономно.

Что, на самомъ дѣлѣ, не отсутствіе огнестрѣльныхъ припасовъ мѣшало наступленію, могутъ свидѣтельствовать слѣдующіе факты: посланные нами на пополненіе ящики резерва настигли насъ подъ Чаталджой лишь 1-го ноября, и если безъ нихъ можно было наступать 24-го, то почему же нельзя было 20-го? Ложность слуховъ о наступленіи турокъ со стороны г. Родосто выяснилась, правда, лишь 23-го, т. е., наканунѣ наступленія, а найденная 22-го октября въ карманѣ плѣннаго турецкаго полковника телеграма убѣдила нашихъ начальниковъ въ необходимости немедленнаго наступленія. Телеграма была отъ командующаго турецкой Восточной арміей великому визирю, и текстъ ея своевременно сообщался уже газетами.

Таковыми мнѣ представляются событія, разыгравшіяся на линіи Бунаръ-Гисаръ—Люле-Бургасъ. Свѣдѣнія о дѣйствіяхъ 1-й бригады 6-й пѣхотной дивизіи безусловно достовѣрны, а свѣдѣнія о дѣйствіяхъ прочихъ частей мною сообщаются лишь на основаніи распросовъ участвовавшихъ и тѣхъ слуховъ, которые имѣлись въ арміи.

Изъ сказаннаго видно, что 16-го октября на фронтѣ Бунаръ-Гисаръ—Люле-Бургасъ дерется 8 бригадъ пѣхоты 3-й арміи, 17-го уже 14 бригадъ (8 + 6) 1-й арміи, что соотвѣтствуетъ численности войскъ: для перваго дня боя—тысячъ 70, для втораго 120—125 тыс.

Потери нужно считать (въ среднемъ) около 2.000 на бригаду 3-й арміи и около 1.000 на бригаду 1-й арміи, что дастъ 20.000 убитыхъ, раненыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ.

Численность турецкой арміи нѣкоторыми опредѣлялась въ 200 слишкомъ тысячъ, но думается, что она была близка къ 150 тысячамъ; потери турокъ исчисляются въ 40.000 человекъ, что весьма близко къ истинѣ. Поражало громадное количество убитыхъ турокъ, неубранные трупы которыхъ я видѣлъ изъ окна вагона 3-го ноября въ долинахъ Эргене и Карагача, на протяженіи нѣсколькихъ километровъ желѣзной дороги.

Жъ Чаталджа!

Еще наканунѣ мы не знали, что намъ придется выступить 24-го, и всячески старались объяснить себѣ причины нашего упорнаго стоянія на одномъ мѣстѣ. Много толковали и о томъ, что предстоитъ намъ встрѣтить впереди, если бы двинулись дальше, на Царьградъ. Указывали на двѣ позиціи, на которыхъ мы могли встрѣтить сопротивление: Чорлу и Чаталджу. Чорлу никого не страшило и никто не сомнѣвался въ исходѣ возможнаго сраженія у этого города. Чаталджа, наоборотъ, казалась намъ грозною. Впрочемъ, все же преобладало мнѣніе, что и эту преграду одолѣть будетъ нетрудно при наличности у насъ массы тяжелой артиллеріи. Даже тогда опредѣляли и направленіе главнаго удара—лѣвымъ флангомъ.

24-е октября настало холодное, морозное. Горы покрыты снѣгомъ, а вся безбрежная равнина—тонкимъ слоемъ инея. Все горитъ подъ багровыми лучами восходящаго солнца. Полки выстроились въ резервномъ порядкѣ, артиллерія подтянулась къ головному баталіону. Пѣхота пріодѣлась въ новое обмундированіе и выглядитъ такою, какою я ее видѣлъ въ Ахлатли. Передъ полками и артиллеріей прочитали приказъ по 3-й арміи, въ которомъ командующій, излагая вкратцѣ итоги операціи, благодарилъ всѣхъ «офицеры, подофицеры и войници» и выражалъ надежду, что и въ предстоящихъ испытаніяхъ они выкажутъ ту же доблесть, стяжаютъ еще большую славу болгарскому народу и себѣ.

Часовъ въ 8 двинулась вся армія въ бригадныхъ колонахъ. Намъ была видна только наша 2-я бригада; объ остальныхъ знали по слухамъ. 24-го совершили маршъ Имранлы—Ахметъ-бей—Софуларъ въ 24 километра. Весь день канонады не слышали. При проходѣ черезъ село Ахметъ-бей узнали, что баши-бузуки пытались разорить его, но были отбиты нашей пѣхотной ротой, оставшейся тамъ.

26-го прошли отъ Софулара къ Кара-Мемешъ, составляя резервъ командующаго арміей.

24-го и 25-го пѣхота двигалась большею частью безъ дорогъ, напрямикъ, что позволяла мѣстность, артиллерія же—по дорогамъ. Охраненіе бдительное. Часа въ 2 дня 25-го до насъ доносились канонада справа. Около трехъ часовъ миновали рѣку Эргене, изъ чего видно, что турки покинули Чорлу. Въ непроглядной тьмѣ ночи наспѣхъ разбили бивакъ и заснули мертвымъ сномъ.

26-го должны были подойти къ селу Мало Чаушли, но, въ виду громаднаго разстоянія и отсутствія дорогъ, остановились, немного не доходя означеннаго селенія, и бивакировали съ частями 4-й дивизіи.

Днемъ опять слышалась канонада со стороны Чорлу.

Между тѣмъ, уже 25-го и 26-го, начались желудочныя заболѣванія, преимущественно среди пѣхоты: усиленные переходы вызывали постоянную жажду; доставать хорошую воду было трудно, такъ какъ шли по мѣстности, бѣдной водой, а возимаго на ослахъ запаса хватало буквально на нѣсколько минутъ; дѣлать нечего, утоляли жажду недоброкачественной водой, отзывавшейся вредно на здоровьѣ.

Второй причиной заболѣваній было слѣдующее обстоятельство: болгарскій солдатъ можетъ ѣсть цѣлый день и весьма нетребователенъ въ пищѣ. Несмотря на то, что солдаты ежедневно получали по одному килограмму хлѣба и по два раза въ день горячую пищу, они, при первой возможности раздобыть что-либо въ пищу, не зѣвали. На пути нашего слѣдованія, къ востоку отъ Ахметъ-бея, лежали исключительно турецкія села, покинутыя жителями, которые, разумѣется, не могли и не успѣли увезти съ собой всего имущества и припасовъ; можно ли винить усталаго, голоднаго пѣхотинца, если онъ пользовался оставшимся добромъ? □

Но дѣло въ томъ, что болгаринъ любитъ хлѣбъ, а его въ готовомъ видѣ мы почти нигдѣ не находили; поэтому солдаты употребляли въ пищу нерѣдко недоваренную, полусырую пшеницу и кукурузу. Послѣдствія этого и сказались появленіемъ острыхъ кишечныхъ заболѣваній. Число отсталыхъ сразу увеличилось, но къ вечеру они обыкновенно успѣвали присоединиться къ своимъ частямъ.

27-го октября двинулись дальше. Отъ селенія Мало Чаушли къ востоку, вплоть до Чаталджи, мѣстность гористая, весьма пересѣченная и большею частью покрыта лѣсомъ или кустарникомъ. Когда мы поднимались на высоты, то передъ нами на югѣ открывалось море, виднѣлись горы Галлиполи и острова Мраморнаго и

Эгейскаго морей. Зеркальная поверхность далекаго моря и синева горъ такъ и манили туда, гдѣ, казалось намъ, долженъ быть рай подъ лучами южнаго солнца. Близость моря сразу сказалась: значительно потеплѣло; все кругомъ было еще зелено. Гдѣ-то фуражиры раздобыли даже арбузы.

Къ часу дня наша бригада стала на бивакъ къ юго-востоку отъ селенія Бейджилеръ. Здѣсь впервые до насъ дошли свѣдѣнія о томъ, что происходило на остальномъ театрѣ войны. О боѣ подъ Кумановымъ сообщали, что сербы два дня дрались безуспѣшно и будто принуждены уже были къ отступленію, когда обходное движеніе болгарской колонны, установленной для связи между сербскими арміями и 7-ой рыльскою дивизіей, парализовало успѣхъ турокъ, дало возможность сербамъ оправиться и выиграть сраженіе. Въ тотъ же день дошелъ до насъ слухъ о занятіи 26-го октября Солуня. При этомъ рассказывали о случаяхъ вѣроломства грековъ. Тутъ же были получены «Военни извѣстія» и бюллетени главнокомандующаго.

Въ ночь на 28-е подулъ сѣверо-восточный вѣтеръ, принесшій съ собой дождь. Утромъ въ 8 часовъ двинулись къ станціи Синекли. Около полудня на правомъ флангѣ слышна канонада. Непрiятеля нигдѣ не видно, только слѣды биваковъ участились, вблизи которыхъ набросаны массами внутренности зарѣзанныхъ въ пищу животныхъ. Увеличилось и число павшихъ непріятельскихъ лошадей; иногда на какую-нибудь сотню шаговъ приходилось по 4—5 труповъ крупныхъ артилерійскихъ загнанныхъ лошадей.

Рядомъ съ нами двигалась 4-я дивизія, отдѣленная отъ насъ лишь насыпью желѣзнодорожной линіи Одринъ—Царьградъ. На фонѣ мрачнаго неба впереди насъ алѣлъ отблескъ пожара; временами вырывались и тянулись вверхъ по нему яркіе языки пламени. По мѣрѣ приближенія къ ст. Синекли, намъ стало очевидно, что именно она и горитъ. Подойдя же къ самой станціи, мы увидѣли, что турки подожгли уголь, цѣлыми горами наваленный на этой станціи. Дорога пролегла среди этихъ пылающихъ горъ. Тутъ же былъ пойманъ турокъ, оставленный поддерживать пожаръ; послѣ допроса онъ былъ разстрѣлянъ безъ всякихъ церемоній въ оврагѣ, въ тылу бивака, который мы заняли въ 2-хъ верстахъ къ сѣверу отъ ст. Синекли. Съ наступленіемъ ночи, какъ и наканунѣ, немедленно заработали турецкіе прожекторы со стороны Мраморнаго моря: они выслѣживали наши колонны и биваки.

На слѣдующій день къ вечеру подошли къ селенію Авренъ. Нѣсколько разъ пересѣкали желѣзнодорожную линію, смотрѣли развалины Афанасьевской крѣпостной стѣны...

Справа иногда доносилась канонада. Близость непріятеля сказывалась попадавшимися по пути недавно убитыми; появились встрѣчные раненые изъ авангарда.

Часовъ въ 9 вечера въ непроглядной темнотѣ стали на бивакъ верстахъ въ двухъ съ половиной къ востоку отъ села Авренъ.

30-го около 10-ти часовъ утра выступили къ селенію Инджесь, отстоящему отъ Аврена верстахъ въ 15-ти. Сравнительно небольшое разстояніе прошли часовъ въ 6 времени: страшная грязь и огромный подъемъ, а затѣмъ спускъ къ долиинѣ Кара-су утомили лошадей и прислугу до крайности. Батарея въ 16 запряжекъ растянулась версты на полторы; сто шаговъ лошади протащатъ и остановятся; дружныя усилія людей и лошадей—и новые сто шаговъ впередъ, и такъ версть 6 — 7.

Быль чудный осенній вечеръ, когда мы стали спускаться въ долину Кара-су, оставляя селеніе Инджесь влѣво. Селеніе это ютится въ глубокой впадинѣ и его можно легко проѣхать, не замѣтивъ.

Ночь уже спускалась на землю, когда мы заняли позицію-бивакъ верстахъ въ двухъ сѣверозападнѣе г. Чаталджи и въ полутора верстахъ къ востоку отъ Инджеса. Справа мы были защищены (со стороны моря) высокими горами, у подножія которыхъ лежитъ маленькій городокъ Чаталджа. Послѣ небольшой стычки наша 2-я бригада завладѣла этимъ пунктомъ. Чаталджа — вся въ огнѣ. Влѣво отъ насъ лѣсистые хребты; впереди — голый гребень съ одинокимъ деревомъ.

Только что мы заняли позицію, какъ замѣтили быстро уходившую турецкую батарею. Не было сомнѣнія, что съ прицѣла 30 (3.000 метр.) мы бы ее разстрѣляли — она поднималась на голый гребень — но намъ не разрѣшили открыть огня.

Ночью снова усиленная работа турецкихъ прожекторовъ.

Не бывъ свидѣтелемъ сраженія, разыгравшагося въ долиинѣ Кара-су, отъ Деркоса до Буюкъ-Чекмедже, я все же хочу дополнить свѣдѣнія о дѣйствіяхъ 5-й батареи 2-го скорострѣльнаго артилерійскаго полка, воспользовавшись для этого письмомъ ко мнѣ командира этой батареи, поручика Бошнакова.

«2-го (ноября) простояли на занятой утромъ позиціи ²⁾); къ тремъ часамъ по полудни пѣхота наша стала наступать, и я готовъ былъ поддержать ее огнемъ, но турки безъ сопротивленія отдали весь гребень (съ деревомъ), на которомъ мы построили окопы и утвердились для атаки фортвъ позиціи. 3-го прѣхалъ командиръ полка и (для лучшей поддержки пѣхоты) рѣшилъ вынести весь нашъ полкъ (артил.) внизъ въ долину къ селу Езетинъ. Тамъ было нѣсколько складокъ мѣстности, которыя только маскировали орудія, но этого было достаточно.

Ночью полковникъ Кантраджіевъ (командиръ 1-й бригады 6-й пѣх. дивизіи) вынесъ весь 3-й (артил.) полкъ черезъ рѣчку, омывающую подошвы холмовъ, на которыхъ расположены форты. Рѣчка эта болотиста и проходима только по мостамъ. Этой же ночью мы вырыли окопы и заняли ихъ утромъ. Передки оставили позади селенія.

Утромъ 4-го приказано было атаковать по всей линіи. Турецкія батареи молчали всѣ; поэтому мы открыли огонь по ихъ окопамъ. Турки, видя наступленіе пѣхоты и обстрѣливаемые съ 3-хъ километровъ, дрогнули и побѣжали. Наши бросились «на ножъ», но тутъ открыли огонь ихъ батареи (на Хамидіе—2, на Махмудіе—3, на Караколь Нокта—2 и позади нѣсколько дальнобойныхъ орудій). Первые двѣ группы батарей мы заставили замолчать, хотя онѣ и стрѣляли съ закрытыхъ позицій. *Не трудно догадаться, кто управлялъ ихъ огнемъ — научиться этому за двѣ недѣли турки не могли.* Но батареи на Караколь Нокта, которыя были въ глубокихъ окопахъ и стрѣляли изъ за амбразуръ во флангъ долинь, намъ не удалось принудить къ молчанію: для этого нужны были гаубицы и мортиры, а ихъ *не успѣли* подвезти; атака не была хорошо подготовлена, произвели ее преждевременно, *по политическимъ причинамъ*, почему 3-й полкъ былъ разстрѣлянъ во флангъ, и мы, къ глубокому сожалѣнію, помочь ему не могли.

Полкъ отступилъ, и уже атаки на этомъ участкѣ не производили. Влѣво 2-я бригада продолжала атаку на Хамидіе II до вечера 5-го и уже была въ 500 шагахъ отъ окоповъ редута, но получила приказъ по арміи—отступить всѣмъ на гребень, который занимали еще 3-го. Причины этого неизвѣстны. Правда, армія была истощена дизентеріей, 2-го появилась у насъ и холера, и можно сказать, что всѣ были полубольные... Но увѣряю васъ, что если бы продолжали атаку, мы бы пошли на большія жертвы, но, чортъ

²⁾ Въ полутора верстахъ отъ вышеупомянутой.

возьми, вскарабкались бы на редуты первой линии и ужъ смели бы все! И тогда преслѣдовали бы не такъ, какъ подь Туркъ-беемъ, а до послѣдняго издыханія... Но судьба судила иное...

Въ частности о дѣйствіяхъ моей батареи скажу, что вели себя молодцами. Съ Караколь Нокта насъ жарили три дня бризантными гранатами, по мы уцѣлѣли — ни одного раненаго; убили только 4 лошадей въ передкахъ.

7-го и 8-го остались дежурить у Езетина, на новой позиціи (300 метровъ позади первой), и тутъ пришлось намъ круто: турки сначала не могли насъ открыть, но потомъ подобрались и осыпали насъ два дня бризантными гранатами и шрапнелью (одна батарея съ Караколь, а другая съ Хамидіе II—въ оба фланга). По счастью не задѣли щитовъ.

Были попаданія на 5 метровъ отъ щитовъ, но, благодаря крутой траекторіи на 4 километра, превышенію ихъ позиціи надъ нашей на 120 метровъ и мягкой почвѣ, гранаты разрывались глубоко въ почвѣ и только комьями грязи забрасывали прислугу. Не будь этихъ трехъ обстоятельствъ—не миновать бы намъ бѣды въ продолженіе пятидневнаго боя!

Итакъ, участвуя въ трехъ большихъ сраженіяхъ (9 дней боя), я отдѣлался только 4 лошадьми, а изъ прислуги ни одного раненаго или убитаго. Воистину счастье!..

Всѣ сожальють, что не докончили атаки Чаталджинской позиціи; турки тогда не ломались бы. Впрочемъ положеніе ихъ безнадежно: на Чаталджѣ бунты; вчера одна рота застрѣлила своего ротнаго и перебѣжала къ намъ, и если бы возобновились военныя дѣйствія—не долго бы съ ними возились. Одно только мѣшаетъ: грязь непролазная и болота передь Чаталджинской позиціей.

Но что насъ утѣшаетъ—это сочувствіе всего міра, особенно Россіи. Дай Богъ и ей достигъ своихъ идеаловъ, какъ мы достигнемъ своихъ вскорѣ. И ужъ тогда-то будетъ слава славянству!

Ужъ теперь собираемся посѣтить всеславянскій соборъ почти всѣ мы, и это будетъ небывалое торжество.

Могу ли сказать вамъ «до свиданія» въ немъ? 25-го декабря 1912 года».

Ж. Чинтуловъ.

